

Непроизводительное сообщество и зоны обмена: возможность суверенной науки

А. М. Фейгельман¹, Д. Ю. Шаталов-Давыдов²

¹старший преподаватель кафедры философии, Национальный исследовательский
Нижегородский государственный университет им. Н. И. Лобачевского.
Россия, г. Нижний Новгород. E-mail: artf1986@gmail.com

²доцент кафедры философии, Национальный исследовательский
Нижегородский государственный университет им. Н. И. Лобачевского.
Россия, г. Нижний Новгород. E-mail: korvet_nn@list.ru

Аннотация. В статье анализируются онтологические условия, необходимые для создания зон обмена. Отталкиваясь от концепции суверенности Ж. Батая, исследуется возможность существования суверенной науки, бескорыстно направленной на раскрытие истины, а не на получение прагматической пользы. Делается вывод, что такая наука возможна в рамках зон обмена, формируемых непроизводительными сообществами. Последние в работе понимаются как сообщества, которые противятся тотализующим практикам и нацелены на сохранение и производство различий. В рамках непроизводительных сообществ вырабатывается особый тип субъекта – осознающего свою нехватку и конечность и поэтому нуждающегося в Другом для своего существования. Диалектическим образом встреча с Другим позволяет субъекту сохранить свою особенную единичность, без которой невозможна любая творческая деятельность, направленная на производство различий. Метафорой творческого поиска в статье становится сюрреалистическая практика, в пространстве которой сталкиваются подчас абсолютно разнонаправленные языки и творческие интенции. Последние объединены одним общим свойством – отсутствием нацеленности на прагматический результат. Поэтому в рамках непроизводительного сообщества наука предстает как дар, свободный от инструментального целеполагания. В качестве примера зон обмена, способствующих формированию непроизводительных сообществ, анализируются научные онлайн-платформы и социальные сети. В пространстве сети на первый план выходит фигура публично-ученого-интеллектуала, который способен наладить коммуникацию между научным сообществом и остальным социумом. Таким образом публичный интеллект формирует вокруг себя негумбольдтовскую зону обмена, для которой характерно бескорыстное взаимодействие ученых и представителей любых других социальных и профессиональных групп. В конце статьи делается вывод о возможности суверенной, то есть независимой от прагматического интереса, науки в зонах обмена.

Ключевые слова: зона обмена, непроизводительное сообщество, суверенность, научная коммуникация.

Зона обмена (trading zone) – это яркая метафора, предложенная знаменитым социологом науки П. Галисоном для описания особого типа научной коммуникации [19]. Само возникновение и активное обращение к этой метафоре и зарубежных [15; 18; 20; 23; 24], и российских [3; 4; 5; 7; 8; 9; 12; 14] исследователей неудивительно. «Зона обмена» позволяет с нетривиальных позиций подойти к научному общению между практиками и теоретиками в рамках одной дисциплины, между представителями различных научных сфер, а также между научным сообществом и окружающим его социальным пространством. Современная «большая» наука с ее гигантскими научными коллективами, нацеленностью на междисциплинарность, ее растущее влияние на общество и все большее присутствие в публичной сфере требуют концептуальных инструментов, способных объяснить сложные процессы, происходящие на стыке дисциплин, дискурсов, практик. Тем не менее, обладая очевидным эвристическим потенциалом, понятие зоны обмена нуждается в уточнении и дальнейшей разработке. В данной работе предлагается взглянуть на сущность «зоны обмена» с точки зрения идеи сообщества Ж.-Л. Нанси и М. Бланшо, которые в свою очередь основывались на теории суверенности Ж. Батая.

Под суверенностью Батай понимает «использование таких возможностей, которые не оправдываются пользой» [1, с. 314]. Европейская наука с ее рационализмом и ориентиром на прагматический результат, напротив, операциональна, инструментальна и, следовательно, несuverенна. Наука оказывается несuverенной из-за ее примата будущего над настоящим:

«Заниматься наукой – значит пренебрегать настоящим ради результатов, которых ожидают в будущем» [1, с. 318]. Цель несuverенной науки находится в будущем, в то время как суверенное раскрывается здесь и сейчас как то чудесное, мгновенное, что есть как то, что оно есть как имманентное себе бытие.

Примечателен батаевский анализ того этапа, когда знание уже оказывается окончательно дано: в этом случае для знания все равно необходима та историческая длительность, в результате которой это знание оказалось получено (произведено). Знание не есть озарение – это производство, растянутое во времени, рефлексия, а не спонтанное явление чудесного (смеха, слез и пр.). Таким образом, знание противостоит суверенному, противостоит настоящему – бытию момента до какой-либо темпорализации.

Отталкиваясь от Батая, поставим вопрос: возможно ли суверенное знание и, соответственно, возможна ли такая «наука», которая отказалась бы от деятельности и длительности в пользу мгновения. За этим вопросом встает другой: может ли зона обмена стать пространством, где рождается такая наука? Суверенная наука стала бы сознанием мгновений – только мгновение и есть то, что действительно осознается, но одновременно с этим не возникает знания о мгновении, так как знание должно рассмотреть свой объект (то есть представить его в длительности и протяженности, в не-мгновенности), следовательно, сознание мгновения представляет собой не-знание. Именно не-знание является суверенным: «...Мысль, подчиненная какому-либо ожидаемому результату, полностью поработана и перестает быть чем-то суверенным; суверенно только не-знание» [1, с. 323]. Другими словами, несuverенная наука в рамках зоны обмена возникает только в том случае, если за ней не стоит инструментальный интерес. Возможна ли подобная ситуация в современной «большой» науке, где теоретическая деятельность идет рука об руку с прагматическими устремлениями общества, бизнеса и государства?

Для ответа на этот вопрос обратимся к идее сообщества особого типа, которое, развивая Батая, можно назвать суверенным. Согласно Батаю, это сообщество литераторов или любовников, живущее мгновенным и настоящим, способное на непроизводительные траты, состоящие из индивидуальностей, бегущих от прагматической пользы. Онтология подобного сообщества зиждется на негативности, о чем вслед за Батаем говорит Бланшо. Схожие идеи развивает и Бланшо: «... Для чего нам “сообщество”? Ответ... дается достаточно ясный: «В основе каждого существа лежит принцип недостаточности...» (принцип неполноценности). Это и в самом деле принцип, определяющий возможности определенного существа и направляющий их. Отсюда следует, что такая принципиальная нехватка не связана с необходимостью полноценности. Несовершенное существо не стремится объединиться с другим существом ради создания полноценной общности. Сознание несовершенности происходит от его собственной неуверенности в самом себе, и, чтобы осуществиться, ему необходимо нечто другое или некто другой» [2, с. 4]. Парадоксальным образом в концепциях Бланшо и Нанси подобную нехватку обнаруживает особый тип субъекта – абсолютный, единый и в то же время конечный. Такой субъект противоположен и в то же время необходим сообществу. У Нанси он предстает как «индивид – атом, для себя абсолютно отдельный, схваченный как начало и как достоверность».

Абсолютного субъекта Нанси изображает отдельным и отличным от всего остального, он имманентен самому себе и не имеет никаких отношений с другими. Однако метафизика абсолюта обнаруживает свое противоречие – «чтобы быть абсолютно одним, недостаточно того, чтобы я был один, необходимо, чтобы я был абсолютно один» [10, с. 27], что включает абсолют в отношения, которых он по определению лишен. Такая логика разрывает абсолют, вносит в структуру его бытия негативность. Абсолют становится не-абсолютом, он раскалывается, порождая различие индивидуальностей или, говоря по-другому, сообщество [10, с. 28].

Сообщество в терминологии Нанси описывается как непроизводительное: производство здесь невозможно, потому что оно предполагает прагматический результат в будущем, а сообщество, напротив, имеет дело с растратой, невозможностью или недостижимостью абсолюта. Такое сообщество противопоставляется сообществу, которое создает произведение (Идея, Земля, Кровь, Тело и т. д.). Или по-другому: сообщество, направленное на инструментальную деятельность противопоставляется сообществу, где главное – мгновение, спонтанность, сингулярность и, в конечном счете, истина, пусть и схватываемая лишь на мгновение.

Субъект, возникающий в рамках подобного сообщества, является единичным, которое сопротивляется подведению под любой общий знаменатель. Однако единичность, согласно Нанси, формируется только на стыке с другими единичностями: «Единичное сущее возникает

как само конечное существование: в конце (или начале), в контакте с телом (или сердцем) другого единичного сущего, на границе с такой же единичностью, всегда другой, разделенной и высказанной вовне» [10, с. 30]. Коммуникация необходима, так как единичное сущее должно очертить свою границу, тем самым обозначив не только свою уникальность, но и конечность. И в столкновении этих единичных субъектов и рождается сообщество.

Такой подход к пониманию сообщества свидетельствует о том, что оно противится тотализующим практикам – «большим» проектам, идеям, нарративам. Общество требует производства, откладывания удовольствия, растраты здесь и сейчас для удовольствия в будущем (которое в свою очередь снова откладывается, и так цикл повторяется до бесконечности, поэтому удовольствие и растрата – это тот бесконечный избыток, который имманентно присущ логике капитализма и бесконечно им подавляем). Отсюда возникают тотализующие практики – как в труде, так и в идеологии – всякий раз подчеркивающие необходимость откладывания этого непроисходящего удовольствия и неосуществляемой растраты.

Напротив, в рамках сообщества можно говорить о бытии единичных сущих, раскрывающихся в своем имманентном различии (границе единичности, собственной единичной конечности) перед другим. Такое сообщество не может быть поведено под единый знаменатель, его субъекты не растворяются во всеобщем, но сохраняют автономность и индивидуальность. И в этом смысле идея сообщества может быть найдена в идее о Граде Небесном Августина, сообществе любовников и сообществе поэтов Батая, в манифесте Бретона и театра жестокости Арто. У самого Нанси мы находим идею сообщества как сообщества пишущих (иногда переводимое как литературный коммунизм).

Яркий пример работы сообщества – сюрреалистическая практика создания «изысканного трупа». Игра *Cadavre exquis* – образец так называемого автоматического письма. Участники пишут часть фразы (также существовал вариант с написанием части картины) на сложенных листках, затем объединяют эти фрагменты в единое произведение. Результатом такой игры и становится фраза типа знаменитой «Изысканный труп пьет молодое вино». Сама процедура являет собой работу нескольких различных художников (писателей), результаты которой сводятся к одному произведению. Это пример соединения различных практик в один ансамбль, который может неожиданно породить совершенно новый, неожиданный смысл или не иметь его вовсе, порождая нелепость [11, с. 30]. При этом онтологический статус «удачной» и «нелепой» фразы совершенно одинаков – и та, и другая возникают совершенно случайно. Вернее, не случайно, а в соответствии с индивидуальными, независимыми друг от друга стратегиями разных авторов. Произведение, возникающее в ходе игры «изысканный труп», являет собой не-произведение – все участники процесса его создания действуют не ради какого-либо осмысленного результата или цели – им важен сам процесс производства случайности. Данная игра – пример суверенной практики, в которой присутствует избыток и растрата.

Эксплицируя подобную практику на зоны обмена, следует отметить, что последняя в трактовке П. Галисона как раз и предстает как пространство коммуникации, где единичные субъекты формируют «слоистую», пронизанную различиями неоднородную структуру. В такой структуре выстраивание границ и осознание различий диалектически переходит во взаимопроникновение практик, языков и дискурсов. Характеризуя специфику галисоновской концепции, Н. А. Иванова выделяет следующие особенности зон обмена: 1) отсутствие жесткой иерархии и равноправие субъектов; 2) коммуникация носит характер открытого диалога; 3) стремление к пониманию и выработке общего языка сочетается с тенденцией к сохранению различий на уровне онтологических установок, практик, субъектов [7]. Исследовательница подчеркивают сетевую структуру зоны обмена, которая возникает благодаря прозрачности и подвижности границ, а также равноправию субъектов научной коммуникации. Фактически, перед нами модель ризомы – метастабильного ацентрированного пространства, описанного в концепции Ж. Делеза и Ф. Гваттари.

Столкновение различных практик и позиций, которых невозможно свести к общему знаменателю, напоминает и о принципе пролиферации П. Фейерабенда, согласно которому прирост научного знания обеспечивается за счет создания максимального количества теорий, противоречащих господствующим установкам. Здесь прослеживается та же онтология множественного и различного, которая вдохновляет и П. Галисона (недаром последний активно ссылается на Фейерабенда в своих работах). Однако, если вместе с принципом пролиферации Фейерабенд провозглашает принцип несводимости, четко отделяя теории друг от друга, то

Галисон, напротив, стремится найти пространство, где сохранение различий будет способствовать формированию общего языка, ценностей и установок. Таким пространством и становится зона обмена.

Может ли зона обмена стать сценой, на которой будет действовать непроизводительное сообщество? Сможет ли это сообщество создать науку, не ориентированную на прагматический результат в будущем? С одной стороны, современная «большая» наука с ее зависимостью от больших денег вряд ли может быть свободна от прагматики – хотя бы от прагматики достижения научной истины. С другой стороны, наука в зонах обмена часто предстает как самоценный дар, свободный от инструментальности и любых прагматических установок. Но чтобы раскрыть эту метафору, необходимо вернуться к философии Батая, точнее к его концепции экстатической формы избытка/растраты.

Согласно Батаю, самым ярким примером избытка/растраты является потлач – ритуальное соревнование между индейскими вождями, выражающееся в дарении вещей противнику. При этом дар должен быть значимым для дарителя (и может не иметь никакого смысла для одариваемого). Этот избыток, реализуемый в виде дара, предстает и как растрата – что-то значимое, необходимое безвозмездно отдается, при этом, так как речь идет о некотором конфликте-соревновании, то предельным даром оказывается сама жизнь. В этом сведении индивидуального существования к растрате и в конечном счете жертвоприношению именно жертва оказывается суверенной – у жертвы уже нет никакой возможности что-либо отложить на потом, есть только здесь, отдаваемое в форме дара.

Яркий пример избытка/растраты можно найти в «Проклятой части» Батая – его описание отношений между капиталистом и рабочим. Экономика интерпретируется Батаем как экономика, построенная на даре, где капиталист дарит рабочему возможность труда и передает ему в пользование средства производства, а рабочий дарит капиталисту результаты своего труда. Само собой, что каждый дар очень ценен – без труда индивид не может быть рабочим, а без капитала – капиталистом. Дар здесь раскрывает сущность и первого, и второго – в столкновении с другим субъект узнает и раскрывает самого себя.

Применительно к науке метафору дара использует И. Т. Касавин, анализируя, в частности, взаимоотношения между У. Хьюэллом и М. Фарадеем [20]. Именно первый, будучи знатоком древних языков, органично концептуализировал в терминах «анод», «электрод», «анион», «катион» явления и процессы, открытые и изученные Фарадеем (и, заметим в скобках, не претендовал на какое-либо «прагматическую» отдачу со сторон последнего). Случай Хьюэлла свидетельствует о том, что метафора «зоны обмена» (trading zone) не схватывает до конца специфику научной коммуникации, которая нередко далека от рыночных принципов и основывается не на обмене, а на дарении.

Данная идея нам кажется очень значимой в рамках более локальной проблемы – онтологии «зон обмена», связанных с интердисциплинарной коммуникацией. В ситуации отсутствия каких-либо институциональных форм и структур, определяющих коммуникацию, она склонна превращаться в свободный обмен, при условии наличия или появления какого-либо общего языка. Пример попыток такого внеинституционального обмена – широко известные порталы academia.edu, research gate и др. Подробный анализ обмена на подобных ресурсах произведен в исследованиях С. В. Шибаршиной [14], Е. В. Масланова [9], С. А. Душиной и Т. Ю. Хватова [6]. Созданные на основе идеи бесплатного размещения в сети научных материалов, промежуточных результатов и бесплатного доступа к ним, данные сети позволяют достаточно быстро делиться идеями, организовывать неформальные рецензии между участниками. Несмотря на достаточно широкие возможности для научного обмена, которые предоставляют данные цифровые платформы, основная активность в них – это комментарии, вопросы/ответы и рецензии – количество совместных проектов между пользователями данных порталов остается незначительным (но тем не менее имеется) [6; 24].

Подобные онлайн-платформы уже сегодня предоставляют технологические возможности для научной коммуникации, однако они еще не до конца раскрыли свой потенциал. С. В. Шибаршина отмечает следующие особенности, позволяющие рассматривать данные платформы как зоны обмена: «реальная коммуникация “здесь-и-сейчас”»; (условно) открытый доступ к информации и ее оценке в виде комментариев, дискуссий, «открытых рецензий» и т. д.; глобальность охвата; мультикультурность... Это способствует формированию особого типа коммуникативной свободы, а именно преодолению границ прежде устойчивых социальных связей и отношений, а также оффлайновых барьеров и официальной иерархии» [14,

с. 81]. Отметим, что фактически здесь речь идет о механике дара, который воплощается в бесплатном доступе к ресурсам и материалам, результатам исследований. Другими словами, онлайн-платформы становятся пространством, позволяющим быть дарителем и одариваемым, с сохранением присущей обоим акторам коммуникативной свободы.

Другим образом науки как дара становится «публичная наука» – тот новый тип деятельности ученого, когда он должен выйти из «башни из слоновой кости» и занять фигуру публичного интеллектуала (причем речь здесь идет не только о представителях гуманитарных дисциплин, но, в первую очередь, об ученых естественнонаучных специализаций). Специфика и сложность научных исследований возрастает, в них участвует большое количество людей, при этом наука сама по себе остается в качестве «общественного блага» (public good), и каким-либо способом финансируется государством или обществом (появился даже феномен краудфандинга для научных исследований), что требует повышения прозрачности, отчетности и общественного внимания к научной деятельности. Ученый должен доказывать необходимость своего исследования – то есть он должен заниматься популяризацией своей области науки, повышая тем самым и образованность общественности, и интерес к данной дисциплине. Здесь происходит обмен, но «негумбольдтовский» – публичные лекции уже не связаны со стенами университета, они не имеют жесткой иерархии «учитель-ученик» и не преследуют цель, связанную с образованием [5].

В меняющихся условиях ряд исследователей настаивает на скорейшем завершении процесса секуляризации государства и науки (С. Фуллер) [16, р. 173] – в случае прекращения государственного финансирования науки ученые займутся «научным евангелизмом»: обратятся к обществу, займутся просвещением, будут привлекать общественный интерес к своим исследованиям наподобие таких ученых, как Фарадей и Пристли [16, р. 105]. Таким образом, модель «секуляризованной науки» – это наука, опирающаяся на результат, который можно продемонстрировать. Ученый, выступающий с публичными лекциями или регулярно обновляющий свою страницу в блоге или социальной сети (здесь хороший пример – философ Г. Харманн, являющийся в полной мере сетевым ученым, публикующий не только результаты, но и обсуждающий свои идеи с подписчиками в социальных сетях) далеко не всегда ставит себе задачу просвещения публики (посетители лекции, подписчики в социальной сети могут быть разного возраста, разного образования и придерживаться различных образовательных или даже развлекательных стратегий). Не менее важно, что своей деятельностью он способствует формированию особого публичного пространства для обмена идеями, дискуссий, привлечение общественного интереса. Наука здесь выступает как дар, которым делится и ученый, и участник публичной дискуссии (нет никаких ограничений, чтобы подписчик предложил гипотезу, которая может и подтвердиться, и, соответственно, привести к научному результату).

Обратим внимание, что в какой-то степени в рамках капиталистического общества, где избыток/растрата постоянно откладывается на будущее, наука отчасти остается «белой вороной». В отличие от технологии, наука в точности ничего не производит – ее результаты могут позволить что-либо произвести или объяснить что-то произведенное, а могут и не позволить. Сама реальность «научного объекта» – это вопрос многочисленных дискуссий от крайнего идеализма до крайнего реализма. Очевидно, что научная деятельность стремится к определенному результату, достижимому в будущем, и, поэтому в терминах Батая, здесь вроде бы нет места суверенности. При этом коммерциализация, безболезненный перевод этого результата в капитал, который можно получить и преумножить, непосредственно невозможен. Это прекрасно отражено в формуле «наука как общественное благо». Однако развитие технологии, возникновение RnD департаментов в ведущих корпорациях, чьи исследования в прикладных дисциплинах сопоставимы с исследованиями, ведущимися в ведущих научных лабораториях, но являющимися коммерческой тайной корпораций, позволяют говорить о науке как об условно или частично общественном благе (об этом пишет М. Колон в своей знаменитой статье «Является ли наука общественным благом» [21]).

В свою очередь сетевые формы научной коммуникации, повышение общественного внимания и доступа к научной деятельности и ее результатам, открытая наука и т. д., и т. п. – не есть ли это способы высвобождения науки от логики капитализма и производства в сторону сохранения уникальной, по-прежнему непроизводительной роли. Производство имеет цену – его стоимость складывается по определенным формулам, но так или иначе все они учитывают стоимость вложенного труда и капитала, в то время как дар стоимости не имеет (он уже есть, он дан, в нем не было затраты времени на свое появление, труда, капитала). Таким образом, наука как дар – это наука, принципиально очищенная от стоимости и, таким образом, от логики производства.

Итак, экстаз избытка/растраты может быть прослежен в различных формах человеческой деятельности – как в рамках ритуальных практик потлача, так и в рамках новых форм научной коммуникации (сетевые формы научной коммуникации, публичные лекции ученых и др.). Имеющийся вопрос – являются ли приведенные выше формы суверенными (как в случае потлача) или лишь новыми формами производства, меняющимися устоявшиеся формы производства. Другими словами, в какой момент мы можем говорить о сообществе, ведя разговор о новых формах научной коммуникации.

В статье, посвященной анализу популярных типологий зон обмена [13], уже обращалось внимание на неизбежно имеющуюся границу, разрыв между двумя функционирующими дискурсами, необходимыми для того, чтобы зона обмена существовала как зона обмена, а не как новая научная практика. При этом происходило создание пограничных объектов (boundary objects), находящихся на пересечении различных социальных миров, теорий, практик. Пограничный объект может быть представлен как материальной вещью (карта, прибор, инструмент), так и идеальной – в виде идей, символов, систем измерения, методов познания и способов коммуникации [22, р. 32]. В конечном итоге, зона обмена есть только тогда, когда есть обмен (когда есть как минимум два различных участника), и ее уже нет, когда эти участники обозначают себя как единый коллектив (например, биологи и физики становятся биофизиками). Для обозначения этого длящегося разрыва вполне подходит проанализированная выше метафора изысканного трупа: в случае сюрреалистов художники или литераторы используют собственные стратегии письма, но их результаты принудительно соединяются в одно целое («изысканный труп пьет молодое вино»).

Если же говорить о зоне обмена, то для примера можно взять зону обмена между сотрудниками музея, зоологами и экотуристами по формированию карт передвижения животных в Калифорнии, приводимую в статье Коллиса, Эванса, Гормана [15, р. 660]. Здесь каждая из сторон придерживается собственной стратегии, однако их действия приводят к определенному обмену – на базе представлений каждого о «карте Калифорнии» (карта миграции видов, карта стояночных лагерей, карта нахождения определенных растений и геологических достопримечательностей, карта природоохраненных объектов) формируется карта нахождения видов, проживающих на территории Калифорнии, при этом каждый из участников обмена сохраняет свою идентичность (экодуристы не становятся зоологами и пр.). Упомянутая карта становится пограничным объектом, который «обитает на пересечении различных социальных миров... и удовлетворяет их информационным требованиям» [24, р. 393]. Пограничные объекты вместе с едиными маркерами и языковыми терминами формируют новую научную модель в качестве результата. Зона обмена оказывается выведена из логики производства – взаимодействие обозначенных групп может не привести ни к какому результату, а может создать некоторую новую область, в которой данный обмен уже будет институционализирован.

Таким образом, ряд зон обмена (зоны обмена, использующие пограничные объекты, и зоны обмена, использующие общий язык) оказываются непроизводительным. Обмен в них вытесняется свободным от любой инструментальности даром. Субъекты, осуществляющие дарение, формируют сообщество, открытое к диалогу и свободному обмену идеями. Все это способствует созданию науки – если не чисто суверенной в батаевском смысле, то бесконечно стремящейся к такому состоянию.

Список литературы

1. Батай Ж. Проклятая часть: Сакральная социология / пер. с фр.; сост. С. Н. Зенкин. М.: Ладомир, 2006. 742 с.
2. Бланио М. Неописуемое сообщество / пер. Ю. Стефанова. М.: Московский философский фонд, 1998. 80 с.
3. Воронина Н. Н., Ткачев А. Н. Мировоззренческие предпосылки успешного функционирования галисоновских «зон обмена» // Философская мысль. 2018. № 12. С. 10–17. DOI: 10.25136/2409-8728.2018.12.27896. URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=27896.
4. Дорожкин А. М. Проблемы построения и типологии зон обмена // Эпистемология и философия науки. 2017. Т. 54. № 4. С. 20–29. DOI: <https://doi.org/10.5840/eps201754462>.
5. Дорожкин А. М. Особенности построения негумбольдтовских зон обмена // Вестник Вятского гос. ун-та. 2018. № 4. С. 7–13. DOI: 10.25730/VSU.7606.18.031.
6. Душина С. А., Хватов Т. Ю. Зачем ученым ResearchGate. Новые возможности научных коммуникаций // Революция и эволюция: модели развития в науке, культуре, социуме: сб. науч. ст. Н. Новгород: Изд-во Нижегород. гос. ун-та им. Н. И. Лобачевского, 2017. С. 41–43.

7. Иванова Н. А. К вопросу о многообразии форм научной практики // Научное обозрение. Серия 2: Гуманитарные науки. № 4–5. 2014. С. 36–45.
8. Касавин И. Т. Зоны обмена как предмет социальной философии науки // Эпистемология и философия науки. 2017. Т. 51. № 1. С. 8–17. DOI: 10.5840/eps20175111.
9. Масланов Е. В. Коммуникационная площадка в сети Интернет как зона обмена: к постановке вопроса // Материалы VIII Международной социологической Грушинской конференции «Социолог 2.0: трансформация профессии». 2018. С. 151–154.
10. Нанси Ж.-Л. Непроизводимое сообщество / пер. с франц. Ж. Горбылевой и Е. Троицкого. М. : Водолей. 2009. 208 с.
11. Спараньи Т. Каталог к «Искусство и сновидение: открытие подлинной реальности». Milano, 1993. С. 154.
12. Столярова О. Е. «Сколково»: архитектурные зоны обмена // Социология науки и технологий. 2013. № 4. С. 132–143.
13. Фейгельман А. М., Шаталов-Давыдов Д. Ю. Зоны обмена: онтология события // Вестник Вятского государственного университета. 2018. № 4. С. 14–21. DOI: 10.25730/VSU.7606.18.032.
14. Шибаршина С. В. Научные коммуникации и коллаборации в Сети как возможные зоны обмена // Социология науки и технологий. 2019. Т. 10. № 2. С. 75–92. DOI: 10.24411/2079-0910-2019-12004.
15. Collins H., Evans R., Gorman M. Trading zones and Interactional Expertise // Studies in History and Philosophy of Science. 2007. Part A. 38 (4). Pp. 657–666. 3. Gorman, M. Trading Zones, Interactional Expertise, and Future Research in Cognitive Psychology of Science // Topics in Cognitive Science. 2010. 2 (1). Pp. 96–100. DOI: 10.1111/j.1756-8765.2009.01071.x 4.
16. Fuller S. The governance of science: ideology and the future of the open society. Buckingham. Philadelphia. Open University Press, 2000. 173 p.
17. Galison P. Trading with the Enemy // Trading Zones and International Expertise: Creating New Kinds of Collaboration / ed. Michael E. Gorman. Cambridge: The MIT Press, 2010. Pp. 25–52.
18. Galison P. Trading zone. Coordinating Action and Belief // Biagioi M. (ed.). The Science Studies Reader. N. Y. : Routledge, 1999. Pp. 137–160. DOI: 10.7551/mitpress/9780262014724.003.0003.
19. Gorman M. Trading zones, Normative Scenarios, and Service Science / Handbook of Service Science. Springer, Boston, MA, 2010. Pp. 665–675. DOI: 10.1007/978-1-4419-1628-0_29.
20. Kasavin I. Gift versus Trade: On the culture of Science Communication // Philosophy of Social Sciences. 2019. DOI: <https://doi.org/10.1177/0048393119864698>.
21. Callon M. Is Science a Public Good? // Science, Technology & Human Values. 1994. Vol. 19. No. 4. Pp. 395–424.
22. Rosbach D. Building a Transdisciplinary Trading Zone: Knowledge Sharing and Integration in a Heterogeneous. 2010. 105 p. URL: <https://pdfs.semanticscholar.org/e430/161263885d6d2c7d70cc26fae720df1a19f1.pdf>
23. Shuster S. The Architect of a Social Network for Scientists // Time.com. 2014. URL: <http://time.com/3583191/social-network-scientists-builder>.
24. Star S., Griesemer J. Institutional Ecology, 'Translations' and Boundary Objects: Amateurs and Professionals in Berkeley's Museum of Vertebrate Zoology, 1907-39 // Social Studies of Science. 1989. Vol. 19. No. 3. Pp. 387–420.

Unproductive community and exchange zones: the possibility of sovereign science

A. M. Feigelman¹, D. Yu. Shatalov-Davydov²

¹senior lecturer of the Department of philosophy, National Research Nizhny Novgorod State University
n. a. N. I. Lobachevsky. Russia, Nizhny Novgorod. E-mail: artf1986@gmail.com

²associate professor of the Department of philosophy, National Research Nizhny Novgorod State University
n. a. N. I. Lobachevsky. Russia, Nizhny Novgorod. E-mail: korvet_nn@list.ru

Abstract. The article analyzes the ontological conditions necessary for the creation of exchange zones. Starting from the concept of J. Bataille's sovereignty, the author investigates the possibility of the existence of a sovereign science, selflessly aimed at revealing the truth, and not at obtaining pragmatic benefits. It is concluded that such a science is possible within the exchange zones formed by unproductive communities. The latter are understood in the work as communities that oppose sweepstakes practices and aim to preserve and produce differences. Within unproductive communities, a special type of subject is developed – the one who is aware of his lack and finiteness and therefore needs Another for its existence. In a dialectical way, meeting the Another allows the subject to retain its special uniqueness, without which any creative activity aimed at producing differences is impossible. The metaphor of the creative search in the article is surreal practice, in the space of which sometimes absolutely opposite languages and creative intentions collide. The latter are united by one

common property - the lack of focus on pragmatic results. Therefore, within the unproductive community, science appears as a gift free from instrumental goal-setting. Online scientific platforms and social networks are analyzed as examples of exchange zones that contribute to the formation of unproductive communities. In the space of the network, the figure of a public scientist-intellectual, who is able to establish communication between the scientific community and the rest of society, comes to the fore. Thus the public intellectual forms around himself a non-Humboldt zone of exchange, which is characterized by unselfish interaction of scientists and representatives of any other social and professional groups. At the end of the article the conclusion is made about the possibility of sovereign, that is, independent of pragmatic interest, science in the exchange zones.

Keywords: exchange zone, unproductive community, sovereignty, scientific communication.

References

1. Bataille J. *Proklyataya chast': Sakral'naya sociologiya: per. s fr.* [The cursed part: Sacred sociology: transl. from Fr.] / comp. S. N. Zenkin. M. Ladomir. 2006. 742 p.
2. Blanchot M. *Neopisuemoe soobshchestvo* [Indescribable community] / transl. by Yu. Stefanov. M. Moscow Philosophical Foundation. 1998. 80 p.
3. Voronina N. N., Tkachev A. N. *Mirovozzrencheskie predposylki uspehnogo funkcionirovaniya galisonovskikh "zon obmena"* [Ideological prerequisites for the successful functioning of Galison's "exchange zones"] // *Philosophical thought*. 2018. No. 12. Pp. 10–17. DOI: 10.25136/2409-8728.2018.12.27896. Available at: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=27896.
4. Dorozhkin A. M. *Problemy postroeniya i tipologii zon obmena* [Problems of construction and typology of zones of exchange] // *Epistemologiya i filosofiya nauki – Epistemology and philosophy of science*. 2017. Vol. 54. No. 4. Pp. 20–29. DOI: <https://doi.org/10.5840/eps201754462...>
5. Dorozhkin A. M. *Osobennosti postroeniya negumbol'dtovskih zon obmena* [Features of construction non-Humboldt exchange zones] // *Vestnik Vyatskogo gos. un-ta – Herald of Vyatka State University*. 2018. No. 4. Pp. 7–13. DOI: 10.25730/VSU.7606.18.031.
6. Dushina S. A., Hvatov T. Yu. *Zachem uchenym ResearchGate. Novye vozmozhnosti nauchnykh kommunikacij* [Why do scientists need ResearchGate. New opportunities for scientific communication] // *Revolyuciya i evolyuciya: modeli razvitiya v nauke, kul'ture, sociume : sb. nauch. st. – Revolution and evolution: the models of development in science, culture, and society : collection of scientific works*. N. Novgorod. Publishing house of N. Novgorod State University n. a. N. I. Lobachevsky. 2017. Pp. 41–43.
7. Ivanova N. A. *K voprosu o mnogoobrazii form nauchnoj praktiki* [To the question of the diversity of forms of scientific practice] // *Nauchnoe obozrenie. Seriya 2 : Gumanitarnye nauki – Scientific review. Series 2 : Humanities*. No. 4-5. 2014. Pp. 36–45.
8. Kasavin I. T. *Zony obmena kak predmet social'noj filosofii nauki* [Zones of exchange as a subject of social philosophy of science] // *Epistemologiya i filosofiya nauki – Epistemology and philosophy of science*. 2017. Vol. 51. No. 1. Pp. 8–17. DOI: 10.5840/eps20175111.
9. Maslanov E. V. *Kommunikacionnaya ploshchadka v seti Internet kak zona obmena: k postanovke voprosa* [Communication platform in the Internet as a zone of exchange: to the question formulation] // *Materialy VIII Mezhdunarodnoj sociologicheskoy Grushin'skoj konferencii "Sociolog 2.0: transformaciya professii"* – Proceedings of the VIII International sociological Grushin conference "Sociologist 2.0: transformation of the profession". 2018. Pp. 151–154.
10. Nancy J.-L. [Representative the community] / translated from the French by J. Gorbyleva and E. Troitsky. M. Vodoley. 2009. 208 p.
11. Sarangi T. [Catalogue K: Art and the dreaming: discovering the true reality]. Milano. 1993. P. 154.
12. Stolyarova O. E. ["SKOLKOVO": architectural exchange zones] // *Sociology of science and technology*. 2013. No. 4. Pp. 132–143.
13. Feigelman A. M., Shatalov-Davydov D. Yu. [Exchange zones: the ontology of events] // *Herald of Vyatka State University*. 2018. No. 4. Pp. 14–21. DOI: 10.25730/VSU.7606.18.032.
14. Shibarshina S. V. [Scientific communications and collaborations in the Network as possible exchange zones] // *Sociology of science and technology*. 2019. Vol. 10. No. 2. Pp. 75–92. DOI: 10.24411/2079-0910-2019-1204.
15. Collins H., Evans R., Gorman M. Trading zones and Interactional Expertise // *Studies in History and Philosophy of Science*. 2007. Part A. 38 (4). Pp. 657–666. 3. Gorman, M. Trading Zones, Interactional Expertise, and Future Research in Cognitive Psychology of Science // *Topics in Cognitive Science*. 2010. 2 (1). Pp. 96–100. DOI: 10.1111/j.1756-8765.2009.01071.x 4.
16. Fuller S. *The governance of science: ideology and the future of the open society*. Buckingham. Philadelphia. Open University Press, 2000. 173 p.
17. Galison P. *Trading with the Enemy* // *Trading Zones and International Expertise: Creating New Kinds of Collaboration* / ed. Michael E. Gorman. Cambridge: The MIT Press, 2010. Pp. 25–52.
18. Galison P. *Trading zone. Coordinating Action and Belief* // Biagioli M. (ed.). *The Science Studies Reader*. N. Y. : Routledge, 1999. Pp. 137–160. DOI: 10.7551/mitpress/9780262014724.003.0003.
19. Gorman M. *Trading zones, Normative Scenarios, and Service Science* / *Handbook of Service Science*. Springer, Boston, MA, 2010. Pp. 665–675. DOI: 10.1007/978-1-4419-1628-0_29.

20. *Kasavin I.* Gift versus Trade: On the culture of Science Communication // Philosophy of Social Sciences. 2019. DOI: <https://doi.org/10.1177/0048393119864698>.
21. *Callon M.* Is Science a Public Good? // Science, Technology & Human Values. 1994. Vol. 19. No. 4. Pp. 395-424.
22. *Rosbach D.* Building a Transdisciplinary Trading Zone: Knowledge Sharing and Integration in a Heterogeneous. 2010. 105 p. Available at: <https://pdfs.semanticscholar.org/e430/161263885d6d2c7d70cc26fae720df1a19f1.pdf>.
23. *Shuster S.* The Architect of a Social Network for Scientists // Time.com. 2014. Available at: <http://time.com/3583191/social-network-scientists-builder>.
24. *Star S., Griesemer J.* Institutional Ecology, 'Translations' and Boundary Objects: Amateurs and Professionals in Berkeley's Museum of Vertebrate Zoology, 1907-39 // Social Studies of Science. 1989. Vol. 19. No. 3. Pp. 387-420.